

Старшая служанка Фан ждала ответа с тех пор, как ей доверили быть свахой. Как только Минлань дала ей согласие, она отправилась к тётке и дяде Даньдзю в семью Лу, и те пришли на поклон к Минлань через два дня. Видя, что парень щедрый, здоровый и добрый, а также обрадованную застенчивую Даньдзю, Минлань чувствовала себя намного счастливее. Она не стала больше медлить, поэтому помолвка сразу же была заключена.

Молодой человек был явно счастлив и решителен. Он кланялся так сильно, что его голова стучалась о пол холла с таким звуком, что даже служанки в соседней комнате некоторое время хихикали.

Для небольшой семьи существовало не так много бюрократических проволочек, чтобы заключить брак. Родители жениха Даньдзю изначально хотели найти подходящую девушку для своего сына из другой семьи, но теперь, увидев Минлань и Даньдзю, и осознав, насколько они добродетельные и красивые, они избавились от сожалений в своих сердцах.

После этого визита все дела были улажены окончательно, и Минлань передала деньги на свадьбу через старшую служанку Фан. Когда в поместье Чен доставили большой хороший кусок тонкого красного атласа, Минлань постепенно сократила обязанности Даньдзю и попросила её сосредоточиться только на вышивке своего приданого: свадебного платья, наволочек, платков, нижнего белья, обуви, новой одежды, и даже кошельки для мужа, а также мешочки, в которые поместят подарки для родственников мужа. Всё это должно было делаться невестой медленно, стежок за стежком.

Поскольку Даньдзю всегда была добра и щедра, все служанки были рады за неё. Бици, самая завистливая из всех, испытывала больше всего радости, ведь Даньдзю из-за свадьбы уходила со своей должности, и она надеялась, что, наконец-то, настала её очередь быть главной. Она становилась всё более и более властной и, казалось, несла с собой ветер, когда шла. Цхуйвей пришлось поговорить с ней несколько раз прежде, чем она сбавила обороты.

— Когда Даньдзю выйдет замуж, настанет ваша с Сяотао очередь, — намеренно пошутила Цхуйвей.

— Не ври сестрице, я давно решила, что не выйду замуж, я могу служить главной госпоже ещё как минимум несколько лет! — тут же возмутилась вспыльчивая Люйчжи.

Если во дворце с достижением определённого возраста всегда устраивали бракосочетание для слуг, то служанки внутреннего двора могли оставаться до двадцати лет. Были также и те, кто пользовался таким уважением со стороны господ, что оставались служить и после достижения двадцати лет.

Цхуйвей была несколько озадачена такой реакцией, но всё же улыбнулась.

— Ты, Люйчжи, теперь такая болтливая. Позже главная госпожа найдёт для тебя хорошую семью, и я посмотрю, как ты тогда заговоришь.

— Сестрица, ты же знаешь, мой старший брат очень самодовольный, — сказала Люйчжи. — У нас не так уж много внимательных людей, способных время от времени запугивать его. Если я выйду замуж в семью за пределами поместья, я не знаю, что он может натворить! — она вздохнула. — Мои родители рано умерли, и у меня осталось лишь двое братьев и сестра. Если я не позабочусь о нём, то кто позаботится? Если я буду хорошо служить главной госпоже, то в будущем я смогу получить милость и подобрать своему брату добрую и внимательную жену. Тогда я буду достойной дочерью, и мои мать и отец на Небесах будут мной гордиться!

— Ты хорошая сестра, тебе действительно тяжело, — произнесла Цхуйвей, она была очень тронута.

Несколько человек были счастливы, в то время как другие были обеспокоены. Когда Жуомей услышала, что Даньдзю выходит замуж, она пришла поздравить её и увидела ярко-красную шёлковую парчовую коробку на столе, ярко-красное свадебное платье, которое было уже сшито и теперь растянато на стенде для вышивки... Она вдруг почувствовала себя очень обиженный, как и в тот день, когда Даньдзю передала ей слова Минлань. После услышанного Жуомей пребывала в депрессии несколько дней.

Увидев застенчиво краснеющую Даньдзю, которая выглядела счастливой и радостной, Жуомей почувствовала укол в сердце. Сказав несколько слов, она попрощалась и отправилась выразить почтение Минлань.

— Прошло много времени с тех пор, как я приходила поприветствовать главную госпожу. Я очень рада видеть, что главная госпожа в добром здравии! — после приветствия сказала Жуомей, не представляя, что делать дальше.

Минлань оглядела её с головы до пят. Она была одета в яркую одежду, но имела нехороший цвет лица и брови казались слишком тёмными.

— Садись, — сказала она. — Сяотао, иди и принеси миску Лань Ань Маоцзянь. Ты же помнишь, что Жуомей любит это есть.

— Главная госпожа всё ещё помнит, — Жуомей осторожно присела на край круглого табурета.

— Я так давно не видела сестрицу! — Сяотао вошла внутрь с маленьким чайным подносом. Её тон был очень искренним. — Но она становится всё краше и красивее, все её одежды яркие и блестящие!

Жуомей, которая начала было разливать чай, на мгновение замерла. Её лицо выражало смущение. Минлань молча осмотрела крышку чайной чашки, а затем произнесла:

— Старые украшения Жуомей действительно были сильно изношены, а эти намного новее. Но тебе не стоит так прямо об этом говорить.

После этого Сяотао быстро вышла из комнаты и остановилась у двери снаружи.

— Сестрица Даньдзю уже рассказала мне, — кое-как справившись со смущением, прошептала Жуомей. — Эта служанка здесь, чтобы отблагодарить главную госпожу за совет.

Минлань молча смотрела на то, как она благодарит, но та даже не шелохнулась. Поэтому Минлань поняла, что Жуомей так ничего и не поняла. Она всё ещё оставалась такой же самовлюблённой и высокомерной, как и раньше.

— Хорошо, что вы знаете обо всём. В будущем эта рабыня будет хорошо служить господину Гунсуню, чтобы как можно скорее распустились листья на ветках, чтобы усилия хоу были вознаграждены.

Брови Жуомей выдавали горечь. Она просто нарочно называла себя «рабыней» и думала, что Минлань что-то скажет, но та всё ещё молчала.

— Для рабыни это нормально, — собравшись с духом, добавила она. — Но рабыня глупа. Время от времени, я надеюсь, главная госпожа будет давать какие-нибудь указания, чтобы господин не был несчастен. Что нужно делать?

То, что Жуомей опустила лицо, говоря это, означало, что она всё же была не безнадёжна. Улыбнувшись, Минлань указала на дверь, в которую только что вышла Сяотао.

— Ты помнишь, когда мы только прибыли, Сяотао служила во внешнем дворе?

Жуомей не поняла, что имеет в виду Минлань, поэтому она кивнула и ответила:

— Да, господин Гунсунь также сказал, что Сяотао очень полезна.

В то время Жуомей была очень обижена из-за того, что не выбрали её, ведь она была самой грамотной.

— На самом деле Сяотао не очень умный человек, — Минлань неспешно перемешала чайные листья.

В этой фразе не было ничего необычного, все, от Му Цанжя до Цзясию знали об этом. Жуомей широко раскрыла глаза, ожидая продолжения.

— На самом деле, она никогда не хотела служить в кабинете, — вспоминая жалобы Гу Тинье в те времена, Минлань не могла мысленно не похихикать. — За то время хоу и господин Гунсунь много страдали, и часто просили её сделать вина, либо горячего, либо холодного. Или привести в порядок рукопись. Она разбирала её и складывала обратно страницу за страницей, — она улыбнулась. — Я вспомнила одну вещь, которая произошла, когда она впервые пришла к старшей служанке Фан. Даньдзю приказала ей запомнить кое-что, ей пришлось произносить это два или три раза, чтобы Сяотао поняла смысл, — её улыбка стала ещё шире. — Послать такого скучного человека служить во внешний кабинет... Я боялась, что мой муж будет жаловаться! Кто знал, что он и господин Гунсунь, наоборот, будут хвалить её позже!

На самом деле, Гунсунь Байши действительно нравилась Сяотао, он был намерен продлить её период работы в кабинете. Однако та не испытывала привязанность к учёбе и уж тем более к такому человеку, как Гунсунь Байши. Когда для кабинета нашли прислугу, она сбежала оттуда, будто на крыльях.

— Господин Гунсунь сказал, что Сяотао — верная служанка, — сухо улыбнулась Жуомей.

— Глаза господина очень зорки, — кивнула Минлань. — Однажды я сказала Сяотао, что всё, что она видит или слышит в кабинете, не должно рассказываться снаружи. Ты несколько раз спрашивала её о ситуации в кабинете, но раздражалась: она что-нибудь раскрыла?

Жуомей было грустно, в то время она сильно восхищалась Шусяном, и она спрашивала о всяких неважных вещах. Например, о том, какой чай он любит пить или что ему нравится есть. Сяотао не сказала ни слова, они поссорились и не разговаривали полмесяца.

— Вот видишь. Ань, отвечающая за покупки, всегда любила Сяотао. В тот день ей было лень идти в кабинет и проверять лично, поэтому она спросила, заканчивается ли уголь? Сяотао не сказала и этого, — Минлань пристально смотрела на Жуомей. — На самом деле не важно, какой ты человек. Важно то, какого человека хочет твой муж.

Жуомей задрожала, она взглянула на Минлань, лишившись дара речи.

— Если тебе будет плохо в будущем, ты всегда должна думать в первую очередь о том, почему вышла замуж. Может быть, тебе станет лучше, — это был последний совет, который Минлань дала Жуомей. В будущем она могла надеяться только на свою удачу.

Глядя на то, как Жуомей уходит, Минлань покачала головой.

Жуомей была умным человеком, как она могла не понимать, какую наложницу хочет Гунсунь? На самом деле слова «будь благоразумной и рассудительной, и просто береги себя» были просто словами. Самым главным для него было, чтобы наложница целыми днями не думала о

любви. В последние несколько дней Жуомей завидовала вовсе не хорошему браку Даньдзю, а тому, что она светилась от счастья.

В последующие дни Даньдзю сосредоточилась на обучении младших служанок. Увещевая их и тщательно инструктируя, она объясняла им всякие мелочи одну за другой. Время летело, более месяца спустя её тётя и Даньдзю приехали, чтобы забрать её, и сообщили, что дом уже готов. Даньдзю вернулась к себе и подготовилась к свадьбе.

Минлань наградила её несколькими украшениями из красного золота, они были достаточно хорошего качества. Цхуйвей дала ей ещё тридцать лян серебра в качестве приданого и попросила тайно положить Сяотао в коробку две бумажные банкноты, по сто лян. Хотя Сяотао была не слишком сообразительной, её руки и ноги были очень проворными. Она была самым надёжным человеком для того, чтобы делать такие вещи. После этого Шоу подарила два золотых браслета с креветками, а Цюнян преподнесла ей маленькую золотую шпильку.

После того, как все разошлись, Минлань сожгла перед ней сутру о теле, а затем сунула в руки Даньдзю плоскую коробку.

— Это ваша регистрация домохозяйства, выданная правительственным учреждением. Живите хорошей жизнью в будущем!

Даньдзю встала на колени и расплакалась, Минлань долго уговаривала её успокоиться. Затем Даньдзю медленно встала и направилась на выход, но, внезапно остановившись, обернулась. Её глаза были полны слёз.

— Госпожа, тогда вы сидели на крыльце на перилах и читали книгу.

— Ты боялась, что я упаду, поэтому за ночь сделала мешок и прикрепила его к перилам, — горько улыбнувшись, ответила Минлань.

— Мешок оказался недостаточно прочным, поэтому треснул, и вы упали. Старшая служанка Фан хотела наказать меня за эту плохую идею!

— Я три дня пролежала в постели, а ты три дня плакала рядом. Когда я выздоровела, ты заболела.

— Госпожа, пообещайте мне, что больше никогда не будете читать книги, сидя на перилах!

— Ты всё ещё хочешь, чтобы я позволила тебе остаться.

— Госпожа, позвольте мне ещё раз поклониться вам! — не сумев больше этого выносить, Даньдзю вернулась обратно и снова упала на колени. Она глубоко поклонилась и, когда встала, лицо её было залито слезами. Обняв ногу Минлань, она сказала траурным тоном. — Госпожа, я

уже по вам скучаю!

Минлань тоже не выдержала, слёзы потекли по её лицу. Она прикрыла лицо рукой, незаметно стирая их рукавом, и, найдя в себе силы, оттолкнула её.

— Иди! Иди! В будущем у тебя будут дети, счастливая семья! Иди! Иди же!

Наблюдая за тем, как Даньдзю медленно, шаг за шагом, движется к двери, Минлань внезапно вспомнила их первую встречу. В то время рядом с ней была только маленькая Сяотао, которая ничего не понимала. Старшая служанка Фан привела Даньдзю к ней, и та вертела головой туда-сюда.

«Госпожа, я принесу вам перекусить»

«Госпожа, садитесь, тут много пустых комнат, не ходите одна»

«Я скоро вернусь, сестрица Сяотао, ты должна присмотреть за госпожой».

У маленькой девочки был чистый ясный голос, её лицо было задумчивым и нежным, и она болтала без умолку. Минлань стало грустно, она отвернулась и больше не смотрела на Даньдзю, выходящую из комнаты.

Сяотао довела Даньдзю до перекрёстка и почти проследовала за ней до самого её нового дома. Когда она вернулась, её глаза были распухшими, как большой персик. Она упала на свою кровать и отказывалась снова выходить из комнаты.

Когда Гу Тинье вечером вернулся домой, Минлань всё ещё пребывала в унынии. Гу Тинье, не чувствующий того же, сказал:

— Раз ты так огорчена, почему бы тебе не оставить Даньдзю в доме и не свести её с каким-нибудь многообещающим мальчиком здесь?

— Они были первыми, кто последовал за мной, — вытирая мокрые волосы тканевым полотенцем, прошептала Минлань. — Я хочу, чтобы они были в порядке и счастливы со своей судьбой.

Гу Тинье, держащий сына на руках, принялся слегка подбрасывать его, отчего Туань хихикал и смеялся. Он был очень удивлён, когда услышал слова Минлань. Что значит счастливы со своей судьбой?

Он положил сына на кровать и позволил ему самостоятельно ползать, и притянув Минлань к себе, внимательно осмотрел её лицо. Её глаза были красными и опухшими.

— Ты слишком хорошо обращаешься с ними, — мрачно заметил он. — Если ты хочешь, чтобы они остались, ты должна просто оставить их здесь. Отсылая их, когда тебе хочется обратного, как госпожа ты поступаешь бессовестно!

— Не болтай чепухи! — Минлань с силой откинула в сторону его руку. В её голосе слышались слёзы.

— Хорошо, я не говорю чепухи, — улыбнувшись, ответил Гу Тинье. — Здесь так много девушек. Ты будешь плакать так каждый раз, когда они будут выходить замуж? Как ты сможешь это выносить? — пошутил он.

Минлань, вытирающая слёзы, услышав это, рассмеялась.

— Только она и Сяотао, а остальные... Ах, вот и всё.

— Потому что эти двое первые, кто прислуживал тебе? — медленно откинувшись на кровать, спросил Гу Тинье.

— Потому что в то время мы трое были искренними, — на мгновение задумавшись, ответила Минлань.

Услышав это, Гу Тинье был немного тронут и не мог не спросить:

— Может ли быть так, что та девушка, что стала наложницей, не служила тебе искренне?

Сяотао была неожиданной наградой, когда она была самой неудачливой дочерью поместья Шен, а Даньдзю была поощрительной наградой, когда её будущее всё ещё было неопределённым. Позже пожилая госпожа Шен полюбила её, и она обрела поддержку в семье Шен, и все её эмоции начали смешиваться.

Минлань тщательно обдумала вопрос прежде, чем ответить.

— После того как я стала госпожой Гу хоу, не имеет значение, искренна я или нет.

Некоторое время Гу Тинье молча смотрел на неё.

— Если бы я только встретил тебя в то время, это было бы здорово, — потерянно произнёс он.

Услышав это, Минлань недоумённо моргнула, а затем её лицо приняло очень странное выражение, и постепенно покраснело. На мгновение ему пришло в голову, что когда Минлань училась бегать, он уже мог ездить на лошади и ходить по улицам, и занимался всякой ерундой.

Супруги некоторое время смотрели друг на друга, не зная, о чём думает другой, но неожиданно они одновременно рассмеялись. Минлань, наконец, отогнала своё уныние. Её губы слегка подрагивали, она склонила голову на бок, вспоминая своё детство.

— Когда я была ребёнком, однажды я выехала вместе с отцом и бабушкой. Когда я смотрела на фонари на улице сквозь приподнятую занавеску, мимо на лошадях промчались несколько подростков в парчовых одеждах. Старшая служанка Фан крепко обняла меня тогда и прошептала «Госпожа, смотрите, вот это — плохие парни!».

Описанная сцена была слишком реалистична, Гу Тинъе дёрнул уголками губ, схватил Туаня, который пытался заползти к нему на голову. Его лицо было мрачным.

Увидев это, Минлань поспешно исправилась и сменила тему.

— Сегодня гун Ци прислал сообщение, в котором говорится, что скоро он будет проводить банкет по случаю дня рождения. Мало кто доживает до семидесяти лет, а у моего мужа редко бывает возможность посетить такие праздники. В этом году ему исполняется шестьдесят девять лет, возможно, в будущем году праздника уже не будет... Поэтому нас пригласили.

Другими словами, несмотря на то что семья Ван давно знает главу округа Пиннин, и Пиннин Цзюньчжу находилась в хороших отношениях с Ван Ши, до этого момента Минлань ни разу не приглашали в поместье гун Ци.

— Оказывается, нас пригласили в поместье Хедун? — Гу Тинъе приподнял брови, в его глазах появилось веселье.

— Почему поместье Хедун?

— Главная госпожа так много знает, разве она не слышала о львином рыке Хедуна?

<http://tl.rulate.ru/book/5280/1648926>